

Марине Липиной,
Елене Пестряевой
и Александре Чуриной,
которые неожиданным
и мистическим образом
выложили в социальных
сетях свои семейные
истории о вологодском
кружеве в тот момент,
когда я работала
над этой книгой

*Во Фетиньиной беседа хороша.
Во беседе сидит девушка
Со точеными пялочками,
Со камышевым коклюшечкам,
С коленкоровой подушечкой,
С позолоченным булабочкам.
Она шелковы кружева плетет.*

*Образец вологодского музыкального
фольклора (по Н. Иваницкому)*

*Все события вымышлены, любые
совпадения случайны*

ПРОЛОГ

Поздняя осень в этом году выдалась настолько красивой, что в это даже не верилось. Не может быть такого октября: теплого, с прогревающимся днем до восемнадцати градусов воздухом, сухого, с ласково шелестящей под ногами листвой, с сияющим на солнце золотом крон, с сочной зеленью травы под ногами. И в обычный-то год не может, а уж в этот проклятый високосный тем более.

Но то ли в награду за весь год и связанную с ним нервотрепку, то ли в насмешку на дачах в октябре цвели розы, набухли почки на сирени, продолжала плодоносить малина, а в лесу на смену отошедшей клюкве и бруснике новой волной пошли грибы.

Именно за грибами и отправилась в последние теплые октябрьские выходные семейная пара, живущая в деревне Фетинино. До леса было километра полтора, но место это, грибное и щедрое, знали только местные, да и то не все. От дороги оно располагалось далековато, так что городские грибники на машинах сюда не добирались. Вот и хорошо, вот и славно.

Белых было немного, но вот рыжиков и опять хоть ко-сой коси, да и красноголовиков несколько штук нашлось, на жареху хватит. В надежде найти еще парочку женщина свернула с протоптанной тропинки, углубилась в траву между берез и вдруг замерла в недоумении. Под деревом стоял чемодан.

Обычный, довольно большой пластиковый чемодан на четырех колесиках с широкой и удобной ручкой. Признаться, женщина всегда немного завидовала, когда видела такие у людей в аэропорту. Они с мужем любили отдыхать в Турции, жаль, в этом году не довелось. Вот только в лесу такому чемодану делать было совершенно нечего.

– Ко-ость, а Ко-ость, – позвала она с характерной горю северной глубинки напевностью, – погля-адь, что я нашла-а.

Муж, мужик основательный, подошел не спеша, остановился, чуть пыхтя, – грузность не давала ему двигаться и наклоняться легко, как в молодые годы, – посмотрел с легкой насмешкой, но без издевки.

– Ну, показывай свою находку.

– Вот, – женщина мотнула головой в сторону чемодана, и муж уставился на него, словно не веря собственным глазам. Нет, правда, неоткуда тут было взяться чемодану.

– Етить-колотить. – Мужчина снял изрядно засаленную, видно, что бывалую, кепку и потер плешивый затылок. – Это ж какой турист его тут оставил?

– Ко-ость, может, ну его, пойдем, – жарким шепотом заговорила женщина и вцепилась мужу в рукав, – не к до-бру он тут стоит. Давай трогать не будем.

– Да подожди ты, – мужчина стряхнул ее руку, сделал несколько шагов к чемодану, присел на корточки, потрогал пальцем ручку и поднял ее, – ну, не бомба же в ём. Давай посмотрим.

– А вдруг там ценное, – женщина все еще нервничала, – пропадет, и потом в жисть не докажем, что ничего не брали.

– Так кому доказывать-то, Нюрка, нет же тут никого, – мужчина усмехнулся и решительно потянул за молнию. – А если ценное, так, почитай, нам с тобой впервые в жизни повезет.

Молния разошлась, и в нос ударил жуткий гниlostный запах. Внутри лежал человек, точнее, то, что осталось от умершей пожилой женщины. Мужчина сделал шаг назад, зажал широкой ладонью рот и нос. За его спиной раздался истошный визг жены. Уронив корзинку и не замечая, что собранные грибы рассыпались по все еще зеленой траве, она то ли кричала, то ли выла на одной протяжной ноте.

– Замолчи, – тяжело обронил мужчина, и жена послушно заткнулась, тараща бесцветные глаза на чемодан со страшной находкой, – в полицию надо звонить, а не орать.

* * *

«По факту обнаружения тела женщины в чемодане в лесу недалеко от деревни Фетинино возбуждено уголовное дело. Следственный комитет квалифицировал происшествие как убийство. На теле жертвы найдены следы удушения. Следователи и криминалисты осмотрели место происшествия, опросили очевидцев, – сообщила прессе

помощник руководителя областного Следственного комитета Лилия Лаврова. – Назначены судебно-медицинская и молекулярно-генетическая экспертизы, личность женщины устанавливается. При ней не найдено никаких документов».

Впрочем, кое-что Лилия от общественности все-таки утаила. Даже своей давней приятельнице, много раз помогавшей ей журналистке областной газеты «Курьер» Инессе Перцевой не призналась, что один вещдок при потерпевшей все-таки нашли. Выглядел он странно: хрусткий пожелтевший лист плотной бумаги с нанесенным на него кружевным узором. С недавнего времени Лилия любила кружева, а потому позвонила мастерице, у которой заказывала кружевные элементы для своих нарядов. Отправив фотографию находки, она узнала, что обнаруженный листок называется сколок и используется как основа для плетения кружева.

На сколке был прорисован кружевной кленовый лист, выглядел лист измятым и ломким, видно, был очень старым. В верхнем правом углу можно было различить то ли вензель, то ли просто инициалы Т.М., но имело ли это отношение к жертве и ее гибели, было совершенно непонятно. На всякий случай Лилия решила о сколке умолчать, а там видно будет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Октябрь 1857 года выдался студеным. На замерзших и от того хрустких листьях плела свое красочное кружево изморозь. Татка даже остановилась, чтобы разглядеть узор получше, вдруг пригодится. Ей ужасно хотелось, чтобы Соня, София Петровна Брянцева, ее учительница и мастерица от бога, похвалила, выделила среди остальных. О том, что сплетенное Таткой кружево когда-нибудь покажут Анфии Федоровне, матери Софии, девушка даже не мечтала.

— Тата, ты идешь или нет, холодно.

Закадычные подружки Пелагея и Авдотья ждали замешкавшуюся Тату в отдалении. Дуся с присущей ее характеру кротостью, Палашка — нетерпеливо пристукивая ножкой, обувой, невиданное дело, в кожаный сапожок. Тата перевела взгляд на валенки, которые поутру заставила надеть мать, увидевшая первый снег. Дуся шла на урок в лаптях, любовно украшенных вплетенной в лыко тесьмой и вышитых бисером. Золотые у Дуси руки, ой золотые, но все равно не такие, как у Татки.

Она подняла кленовый лист с особенно красивой морозной вязью — он казался прозрачным, словно исхудавшим, — и бережно спрятала в лежащую в кармане варежку. Вдруг получится донести до дома Брянцевых, чтобы тщательно срисовать узор на кусок плотной оберточной бумаги. Чем не сколок?

— Иду, — чуть виновато откликнулась она на Палашкин призыв и ускорила шаг. Нехорошо заставлять себя ждать, да и на урок опаздывать не след.

Вот уже месяц три подружки два раза в неделю, по вторникам и четвергам, посещали уроки кружевоплетения, которые давала известная кружевница София Брянцева. Ее мать Анфия Федоровна исполняла любые виды кружева: и иностранный «валансьен», и «брюссель». Но больше всего ценился изобретенный ею «вологодский манер», а уж София и вовсе слыла лучшей кружевницей в округе. Девчонки шептались, что за один заказ от столичных модниц она могла получить неслыханные деньги — аж двести рублей.

Добрая Дуся нет-нет да вздыхала, неволью завидуя семейному укладу дома, в котором им приходилось регулярно бывать. Тата же не завидовала ничуть — знала, что кружева плетут да уроки дают мать и дочь не от хлебо-сольной жизни. В средствах к существованию Брянцевы нуждались постоянно, а кружевоплетение давало стабильный заработок. Еще более прибыльным делом оказалось создание рисунков и изготовление сколков. На нем Анфия Федоровна и София Петровна зарабатывали даже больше, чем собственно на плетении, да и делать это было гораздо легче.

В досужие разговоры Тата вообще не верила. Как же двести, когда самая дорогая шаль, сплетенная Таткиной матерью, не приносила в семью больше пяти рублей, да и то не часто? Обычно они и двум рублям были рады.

Честности ради, Тата не могла не признать, что кружево у матери выходило толстое, грубое, напрочь лишённое того воздушного изящества, которое струилось из-под пальцев Софии Брянцевой. Собственно говоря, именно из-за этого Татку и отдали в обучение к известной мастерице, и теперь она истово училась, мечтая о том, чтобы, уподобившись Анфии и Софии, выплестать платья и косынки, тальмы, покрывала, вуали, накладки и чепцы.

Соня Брянцева за палец уселась, когда ей было пять лет, а учить других начала, едва ей исполнилось десять. Этот факт отдавался у пятнадцатилетней Таты болью в душе, заставляя горевать о собственном несовершенстве. Неужели ей никогда-никогда не стать такой, как София?

Школа располагалась в выделенном на эти цели большом помещении в доме Брянцевых. Ходили сюда ученицы из города и окрестных деревень в возрасте от двенадцати до сорока, так что, строго говоря, Татка и ее подруги были здесь еще не самыми «позднеспелыми». С Палашки с ее кожаными сапожками Брянцевы брали по пять копеек за урок – ее зажиточный отец мог потянуть плату за неожиданное увлечение дочери, а вот Дуся и Тата расплачивались то корзинкой клюквы, то шматком сала, то свежеспеченным пирогом. Для них кружевоплетение было не блажью, а потенциальным источником дохода.

Урок начинался в десять, и сделать перерыв мастерицы могли не раньше часа пополудни. После сигнала Софии они доставали свои узелки с припасенным обедом, как правило, состоящим из куска ржаного хлеба, соленого огурца и холодной картофелины, и, наскоро перекусив, бежали на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. На перерыв отводилось минут сорок, после чего ученицы возвращались к занятиям и сидели, склонив голову над подушечкой и коля пальцы булавками, до пяти часов вечера.

Тата перерыв любила особо еще и за то, что в это время из уездного суда приходил на обед глава семьи Брянцевых, Петр Степанович, в которого Тата была тайно влюблена. Иногда девушке удавалось пусть одним глазком да увидеть объект своей девичьей наивной страсти. Интересно, повезет ей сегодня или нет?

Ускорив шаг, чтобы поспеть за широко шагающими подругами, Тата придирчиво вспоминала, как именно сегодня оделась. Впрочем, к Брянцевым она всегда старалась надевать лучшее. Цельная рубаха, длинная, по самую щиколотку, сегодня была новой, оттого сверкающей белизной. Лямки на ярко-красном сарафане Тата заменила на кружевные, сплетенные собственными руками. Такая же кружевная лента шла под пуговицами, имитирующими застежку. Мать, конечно, требовала надеть другой сарафан, с утепленным шерстяной подкладкой подолом, но Тата наотрез отказалась. Да, студеное нынче утро, но все же не зима.

Палашка уже красовалась в новой шубке, короткой, но из беличьего меха. На Дусе была надета суконная коротайка, как водится, расшитая тесьмой и разноцветными шнурами, а Тата куталась в кафтан из шерстяной ткани, купленной отцом по какой-то оказии и тоже украшенной кружевом. От овчинного тулупа, предложенного матерью, удалось пока отвертеться. Нет, в таком виде не стыдно показаться на глаза Петру Степановичу, совсем не стыдно.

– Тата, ну хватит витать в небесах, – Палашка опять топнула ножкой, проявляя характер, – поторапливайся, из-за тебя мы опоздаем.

Оказывается, замечтавшись, она опять отстала от друг. Тяжело вздохнув над собственным несовершенством, из-за которого Тата то и дело влетала в неприятности, она бросилась их нагонять.

* * *

Снежана разогнула затекшую спину и сладко потянулась. Сегодняшняя норма выполнена, теперь, пожалуй, можно и пообедать. Из кухни тянуло привычными домашними ароматами сдобы, жареного мяса и, кажется, борща.

– Ма-а-а-ам, что у нас сегодня на обед? – прокричала Снежана, придирчиво осмотрела выполненную за сегодня работу – распускающуюся поверх сколка невиданной красоты жар-птицу, которую постоянная заказчица хотела видеть на спине черного выходного платья, – и поправила коклюшки, издавшие легкий мелодичный звон. Звон был особый – хоть раз в жизни услышишь, ни с чем не перепутаешь.

– Иди руки мой, садись за стол, и узнаешь. – Голос матери тоже был звонким, мелодичным, совершенно не соответствующим ее семидесяти двум годам.

Маму, сохранившую хрупкость невысокой фигурки, носившую неизменные каблуки и короткую, ультрасовременную стрижку, со спины часто принимали за девушку. Снежана ею гордилась.

– Скоро закончишь? – спросила мама, когда она с удобством расположилась на своем законном месте, у холодильника, и с удовольствием зачерпнула первую ложку огненного, ярко-красного борща, к которому прилагалось тонко порезанное розовое сало с корочкой черного перца, два зубчика чеснока и домашняя, недавно испеченная, еще горячая пампушка. Рядом стояла плошка с маслом. – Когда Вера Михайловна платье ждет?

Пунктуальность мама считала одним из главных профессиональных качеств хорошей швеи, и плетей тоже. «Плетеями» в народе называли кружевниц, маме это старорусское название нравилось больше, и Снежана не спорила. Заказчицы обычно называли ее портнихой, и с ними Снежана не спорила тоже. По большому счету ей было совершенно все равно, как называется ее труд. Главное – за него платили, и ее ловкие пальцы, которым было все равно, кроить, шить или плести кружево, обеспечивали им с мамой вполне безбедную жизнь. Не миллионеры, конечно, но и жаловаться не на что, пока глаза видят и руки не дрожат.

Раньше главным добытчиком в семье был папа. Мама же, творческая натура, сколько Снежана себя помни-

ла, разрабатывала рисунки для сколков и плела кружева. Особого дохода это, если честно, не приносило, зато удовольствия – сколько угодно. Много лет мама проработала на кружевной фабрике «Снежинка», в честь которой, собственно говоря, и назвала единственную дочь.

В их семье женщины выходили замуж и рожали поздно. К примеру, Снежана родилась у мамы, когда той исполнилось тридцать восемь лет. И мама смеялась, что дочка – ее главный кружевной узор. После распада Союза от огромной когда-то фабрики, на которой работали сотни людей, мало что осталось, но мама, как злословили подружки, вовремя сориентировалась: выгодно выскочила замуж за человека, ставшего одним из первых в их области предпринимателей, а потому могла себе позволить работать не ради денег, а по велению души. И еще – учить дочку мастерству плетей.

Снежана – поздний, балованный ребенок – росла девочкой замкнутой, больше всего на свете любившей читать книжки в укромном уголке и стучать коклюшками. Подруг у нее особо не было, шумные компании она не любила, Снежана тихо и незаметно окончила филологический факультет местного университета и устроилась работать в библиотеку.

Вот только со смертью папы все переменялось. Мама как-то растерялась, словно стала еще меньше ростом, разговаривала шепотом и подолгу сидела, уставившись в одну точку. Незадолго до скоропостижной смерти отец купил семье четырехкомнатную квартиру в самом центре, в ремонт которой вложил все свободные деньги. Остальные крутились в бизнесе, но его ушлый компаньон и давний друг

семьи довольно быстро отжал их, пользуясь тем, что оглушенные горем жена и дочь ничего не понимают в делах.

Лежащая в тумбочке кучка денег, из которой мама брала на хозяйство, а Снежана на свои крайне скромные нужды, начала таять и месяца через три растаяла совсем. На зарплату библиотекаря и пенсию прожить было совершенно невозможно, а потому, немного подумав, Снежана приняла решение брать заказы на шитье нарядов со вставками из вологодского кружева.

Кстати, идея объединить кружево с тканью когда-то принадлежала именно маме. Блузы, юбки, брюки из льна и батиста со вставками из разноцветного кружева, сшитые во входящем тогда в моду стиле бохо, разлетались на ура. Снежана до сих пор помнила привычную картинку из детства: просыпаясь, она крадется по коридору, стараясь не наступать на скрипучие половицы, к комнате, в которой оборудована мастерская, и видит маму, склонившуюся над листами бумаги. Даже названия коллекций помнила: «Родники», «Жизель» и «Пастель», «Светский раут» и «Мадемуазель». И коллекцию ночных сорочек «Черный лебедь», выполненную из черного батиста с машинным кружевом и атласными лентами¹.

Так что, открыв собственную мастерскую, Снежана просто пошла по маминым стопам. Первое время заказчиц было не так много, и она справлялась одна, но потом слава о ее эксклюзивных моделях пошла сначала по горо-

¹ Используются настоящие названия кружевных коллекций мастерицы фирмы «Снежинка» Елены Котоминой.

ду, потом по области, а затем докатилась и до Москвы с Питером. Поступили первые заказы из-за границы, и сейчас у Снежаны Машковской было свое небольшое ателье, в котором, помимо нее, работали еще одна закройщица и четыре швеи.

Под ателье было снято помещение на первом этаже дома, где жили Снежана с мамой. Плести кружево она предпочитала наверху — эта работа требовала покоя и уединения. Дома она оставалась и когда требовалось вдохновение, чтобы придумать что-то особенное для очередной клиентки. А кроила и шила Снежана в мастерской, под шумный гомон девчонок и довольные улыбки пришедших на примерку заказчиц.

Все-таки, помимо материнского таланта, ей передалась и отцовская сметливость: ателье процветало и приносило хороший доход. В этом году, конечно, все было непросто из-за проклятой пандемии — зачем шить нарядную одежду, если ходить в ней все равно некуда — но жаловаться было грех, заказы все равно поступали. Снежана и не жаловалась.

— Думаю, закончу завтра, мне немного осталось, — ответила она. — А платье должно быть готово к субботе. Сегодня понедельник, так что все успеет.

— Что у тебя еще на сегодня? Или до вечера плести будешь?

Мама предпочитала быть в курсе дочкиных дел, и, надо признать, ее советы не раз выручали Снежану. Сама стучать коклюшками мама больше не могла: из-за подступающей болезни Паркинсона у нее ощутимо дрожали руки, — но вкусом обладала по-прежнему отменным.

– Нет, спина устала, да и новая клиентка должна прийти. Говорит, у нее особый заказ, который надо подробно обсудить.

– Особый заказ? – Мама заметно оживилась. – Это может быть интересно. Знаешь что, а приводи ее домой, я тоже с удовольствием послушаю. Заодно чаем вас напою, я плюшки испекла, как ты любишь, с корицей.

Снежана вздохнула. Как объяснить маме, что плюшки с корицей ей категорически противопоказаны, при ее-то сидячем образе жизни и сорок восьмом размере? Еще весной размер был условно сорок шестым, но если злоупотреблять маминой сдобой, то и до пятидесятого недалеко. И кто ж ее такую замуж возьмет?

В свои тридцать четыре года Снежана все еще была одинока. Мама в этом ни малейшей проблемы не видела, по своему примеру полагая, что сначала нужно состояться как профессионал, посмотреть мир и пожить для себя, а уже потом надевать ярмо семейной жизни. Как профессионал Снежана состоялась, основные мировые столицы повидала, а новые в одночасье стали недоступны из-за закрывшихся границ, а вот своим одиночеством и незадавшейся женской судьбой тяготилась все больше. И мамин пример не утешал: у той в конце концов появился такой замечательный человек, как папа, а в жизни Снежаны он даже не предвидится, потому что таких, как папа, больше нет.

* * *

Пообедав, Снежана быстро переоделась и сбежала с третьего этажа на первый, в ателье. Заказчиком, особенно новым, она всегда показывала товар лицом, надевая

собственноручно сконструированные и сшитые наряды, которые «работали» лучше любой рекламы. Вот и сейчас она надела оливковые брюки из тонкой, но теплой шерсти, уместной нынешней осенью и оттеняющей золото погоды за окном, и чуть более светлую, но того же цвета хлопковую блузу, на груди которой уютно поместились кружевные падающие с дерева листья. Смотрелось необычно, и Снежана это осознавала.

В ателье вовсю кипела работа, и это как раз было обычно, потому что заказов за последний месяц они набрали много.

– Привет, девчонки, – звонко поздоровалась Снежана, которая любила и ценила каждую из своих мастериц. – Как у нас дела?

– Все в порядке, Снежок, – отозвалась Лидия, вторая закройщица, по негласной договоренности выступавшая в маленьком коллективе за старшую. – Куртку для Морозовой сегодня закончим, брючный костюм для Савельевой – тоже. Платье для Веры Михайловны готово, осталось только твой элементшить, и можно звать ее на вторую примерку. Ну и все остальное у нас по плану. Не переживай.

Снежок – это было ее школьное имя, так Снежану могли звать только близкие друзья, к которым, несомненно, относилась и Лида. Мама с папой всегда называли дочь Снежинкой, но это домашнее имя она считала нескромным и слишком интимным, не предназначенным для чужих ушей.

Звякнул старинный колокольчик над входной дверью, сообщая, что в ателье посетители. Их было двое – кра-

сивая, холеная женщина лет шестидесяти пяти и молодой человек чуть помладше самой Снежаны, высокий, тонкий, гибкий, как виноградная лоза, с мелкими чертами лица и острым, немного хищным взглядом.

У Снежаны, которая благодаря своему творческому складу ума воспринимала окружающий мир образами, он сразу вызвал ассоциацию именно с диким виноградом, вернее, плющом, оплетающим старинную беседку и закрывающим солнечные лучи. Вроде и красиво, а в результате тьма. Хотя почему сразу тьма, а не приятный в жару прохладный тенок? На этот вопрос у нее не было ответа.

– Здравствуйте, нам нужна Снежана Машковская, – низким грудным голосом сказала дама.

– Это я, проходите, пожалуйста, – ответила Снежана и указала на удобный кожаный диван, на котором обычно располагались гости.

Напротив стояло кресло, предназначенное для нее самой, но гость, не глядя, уселся именно в него. Нарушение устоявшихся правил всегда становилось для Снежаны проблемой, но не выгонять же чужого человека. Легонько вздохнув, она пододвинула стул и уселась, стараясь сохранить приветливое выражение лица.

– Вы, я так понимаю, Светлана Павловна?

– Да, а это мой сын Артемий. Вы не против, если он присутствует на нашей встрече? Я стараюсь не перемещаться по городу на общественном транспорте, так что Тёмочка меня привозит и увозит.

О-о, значит, «плющ» всего лишь водитель при маме. Ладно, так и запишем. Новая клиентка хотела заказать пол-

ный комплект домашнего текстиля для загородного дома, но ручной работы и всенепременно с классическим вологодским кружевом. Однако его узор должен быть оригинальным, ранее нигде не встречавшимся.

– О снежинках, огурцах, соборах, матрешках и прочем даже речи не идет, – решительно и с напором говорила гостя. – Мне нужно что-то необычное, лучше всего старинное, желательно девятнадцатого века. У вас есть такие образцы?

Про девятнадцатый век Снежана услышать не ожидала, но вопросу обрадовалась. Чем сложнее казалась поставленная перед ней задача, тем интереснее было ее решать.

– Вы хотите что-нибудь определенное? Может быть, видели в Музее кружева или в старинных книгах? – доброжелательно спросила она. – Я уверена, что смогу разработать сколок для любого узора, главное, подобрать то, что будет по вкусу именно вам.

– Нет, ничего определенного я в виду не имею. Мне бы хотелось, чтобы именно вы предложили наброски того, что может пригодиться для штор, скатертей, накидок на стулья и полотенец, – недовольно сообщила дама. – В конце концов, именно вас мне рекомендовали как профессионала экстра-класса, и хотелось бы получить доказательства того, что меня не обманули.

Снежана закусила губу – она не терпела завуалированных оскорблений. Почему она должна доказывать, что чего-то стоит? Она уже давно всем все доказала, и репутация у нее такая, что в ателье обращаются даже из-за границы. С другой стороны, клиент всегда прав, да и не время

сейчас разбрасываться заказами, тем более к клиентам с характером ей не привыкать.

– Раз вы не имеете в виду ничего конкретного, тогда имеет смысл взять паузу, – сказала Снежана, легонько вздохнув. – Я думаю, что сегодня мы можем подобрать основную ткань, из которой мы будем готовить нашу коллекцию, а также определиться с цветовой гаммой. Что же касается кружева, то я возьму пару дней, чтобы подготовить оптимальные варианты.

Она точно помнила, что мама хранила целую коробку старых сколков. Когда-то маленькая Снежана, только учившаяся держать в руках коклюшки, любила их разглядывать и даже сплела парочку древних узоров, тех, что попроще, разумеется, – сложные кружевные панно тогда были еще не по силам. Позже ей, как и маме когда-то, стало гораздо интереснее придумывать свои узоры, так что коробка со старыми сколками оказалась куда-то задвинута. Что ж, пожалуй, сейчас она вполне может пригодиться, понять бы только, куда именно они ее засунули. На антресоли? В стенной шкаф? В подвал? Или вообще увезли на дачу?

– Хорошо, – кивнула Светлана Павловна, – только не затягивайте, пожалуйста. Мне бы хотелось, чтобы к Новому году вся коллекция была уже отшита. Я жду гостей из Бельгии, к их приезду все должно быть готово.

Приезд иностранных гостей как-то не вязался с царившей вокруг вирусной нервозностью и закрытыми границами, но уточнять Снежана не стала. Мало ли, как заведено в этом доме? Не ее это дело. Задача Снежаны – разрабо-

тать и отшить коллекцию, которая, судя по всему, должна обойтись заказчице в двух-, а то и трехмесячный оборот их ателье. За такие деньги можно и потерпеть эту лигу плюща. Кстати, понимает ли мадам, во что вяжется, или потом выяснится, что она рассчитывала заплатить за авторскую коллекцию тысяч десять?

– Светлана Павловна, давайте уточним бюджет, в который вы планируете уложиться, – спросил проснувшийся в Снежане менеджер, пригрозив пальцем обрадованному интересной задачей художнику. – Просто мы можем предложить разные по стоимости ткани, да и сложность рисунка я буду подбирать, исходя из ваших возможностей.

– Цена не имеет значения, – надменно заверила гостя. – Думаю, что полный комплект, включая постельное белье, в итоге не должен выйти за миллион.

Миллион? Пожалуй, плющ нравился Снежане все больше и больше. Она заметила, что в ателье установилась тишина – был слышен даже шорох падающих за окном листьев. Замерли стрекотавшие швейные машинки, стих гомон негромко переговаривающихся за стенкой девчонок. Волшебную цифру услышали все и хорошо осознали, что именно она значит: во-первых, стабильность, и во-вторых, огромную ответственность и не менее огромный «геморрой».

– Хорошо, Светлана Павловна, тогда сейчас я принесу каталоги тканей.

Собеседница остановила ее царственным движением руки.

– В плане ткани я полностью доверяю вашему выбору, – услышала Снежана и чуть не упала. – Вы же

профессионал. Меня волнует только соответствие старинному кружеву, которое вы должны воспроизвести, так что сосредоточьтесь в первую очередь именно на этом.

– Но цветовую гамму я за вас не определяю, – осторожно сказала Снежана. – Хотя бы скажите, в каких цветах оформлен интерьер вашего дома, и тогда к нашей следующей встрече мы подготовим конкретные образцы сатина, хлопка и шелка. На выбор.

– Давайте делать все в бежево-коричневых тонах, – помолчав, ответила Светлана Павловна словно через силу. – Еще раз повторюсь, ваша главная задача – предложить мне интересное решение с кружевом. Надеюсь, вы не будете с этим тянуть.

– Да, конечно, – пробормотала Снежана, чувствуя себя идиоткой. – Мне нужна неделя, чтобы определиться с образцами.

– Это долго.

– Долго, но необходимо, – мягко, но непреклонно возразила Снежана. – До конца недели я должна закончить другой заказ, и только в выходные смогу съездить на дачу. Дело в том, что там у меня хранится коробка со старыми сколками. В субботу я привезу их в город, в воскресенье отберу образцы, и в понедельник мы с вами выберем то, что вас устроит.

– Хорошо, тогда до понедельника, – неожиданно для Снежаны, готовой к суровому отпору из-за того, что чьи-то чужие заказы она ставит вперед нового, согласилась себе-седница. – Я понимаю, что вам нужно подумать, и готова

ждать, потому что мне нужен лучший вариант, на сто процентов эксклюзивный, вы понимаете?

– Вполне.

– Тогда я приду в понедельник, в это же время. Пойдем, Артемий.

Плющ встал и, даже не кивнув в знак прощания, двинулся к выходу. За ним царственно выплыла из ателье его мать, и Снежана перевела дух, вдруг осознав, что последние несколько мгновений практически не дышала.

– Это что такое было? – нарушил ее мысли голос Лиды. – Мне не послышалось, она действительно готова потратить миллион рублей на кружевные простыни и скатерти?

– Одна кружевная простыня обошлась бы миллионов в пять, – засмеялась Снежана. – Слава богу, в данном случае речь идет об отделке, и я надеюсь, она это понимает. Ладно, девчонки, морская фигура отомри, у нас полно работы, а про странные пожелания нашей новой заказчицы я подумаю позже.

– Снежок, только перед тем, как заказывать ткани, все-таки утверди у нее образцы под подпись, – тихонько, чтобы не услышали остальные девчонки, шепнула ей Лида. – И предоплату возьми – закажем огромный метраж самого изысканного полотна, а эта королевишна потом возьмет и передумает. Я таких знаю, у них на неделе семь пятниц.

– Конечно. – Снежана легонько чмокнула Лиду в пухлую и мягкую щеку. – Не бойся, в неприятности из-за этого странного заказа я точно не влезу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Нерешенная задача жгла мозг. Так было всегда. Получая новое задание, Снежана не могла остановиться, продумывая все возможные пути его выполнения, и не успокаивалась до тех пор, пока не выстраивала четкую схему действий по достижению поставленной цели. Вот и сегодня она знала, что ни за что не уснет, если не поищет коробку со старыми сколками.

Конечно, она сказала, что коробка на даче, но перед тем как ехать туда, нужно было убедиться в отсутствии искомого на антресолях и в подвале. Даже самой себе Снежана не признавалась, что на самом деле ею движет обычное любопытство, да еще творческий зуд, который охватывал ее в последнее время все реже. Обычные заказы были рутинными, не оставляющими простора для творчества. А тут... Кружево под старину она действительно никогда не плела.

– Ма-а-ам, – позвала Снежана, едва вернувшись в квартиру, – ты помнишь, где у нас хранятся старые сколки?

– Насколько старые? – поинтересовалась мать, стоя на пороге кухни. Ну да, она готовила ужин. Ее жажду творчества теперь удовлетворяла только кулинария, поэтому о борьбе с лишним весом пришлось забыть. – Тебя какая-то конкретная коллекция интересует?

Сколки по маминым коллекциям, тем самым, знаменитым если не на весь мир, то точно на всю страну, были переплетены в специальные альбомы, которыми мама страшно гордилась и хранила их как зеницу ока в своей спальне.

– Нет, совсем старые. Помнишь, ты мне в детстве показывала коробку, которую тебе когда-то твоя бабушка передала?

– Помню, конечно, а зачем тебе?

– Заказ получила на кружева по старинным узорам, представляешь? Вот, хочу посмотреть, можно ли там чем-нибудь разжиться. Как ты думаешь, они дома или на даче?

– Дома-дома, в стенном шкафу в коридоре посмотри. Я пуховое одеяло весной убирала и точно эту коробку двигала. Еще подумала, что и не нужно, вроде как старье такое, а выбросить жалко. В этих сколках фактически вся история нашей семьи.

– Вот и хорошо, что не выбросила, глядишь, найду. Кстати, пока буду искать нужное для новой клиентки, заодно все переберу, возможно, и другие идеи появятся. Винтаж нынче в моде. А все новое, как известно, хорошо забытое старое.

Быстро переодевшись в домашний костюм и умывшись, Снежана нырнула в недра стенного шкафа. Искомая коробка нашлась довольно быстро. Задвинутая к стенке, она стояла на второй полке снизу, сразу за старинной керосиновой лампой. Сколько Снежана себя помнила, лампой они не пользовались ни разу, да и керосина в доме точно не было.

Вытащив коробку, оказавшуюся неожиданно тяжелой от хранившихся в ней сложенных листов, скрученных свитков и картонных прямоугольников, Снежана отнесла ее в комнату, служившую раньше мастерской для мамы, а теперь ставшую ее рабочим кабинетом, и водрузила на стол.

Узоры на лежавших сверху листах бумаги были просты и довольно неинтересны. Ну да, это те самые первые сколки, по которым она в детстве набивала руку, выплетая снежинки. Затем она вытащила еще несколько листов и засмеялась. Это были ее рисунки с первыми самостоятельно разработанными узорами: смешная вислоухая собака (когда она ее сплела, папа особенно восторгался), пузатая матрешка, лупоглазая стрекоза, принц и принцесса из «Бременских музыкантов».

Снежана помнила, как ей хотелось сплести кружево именно с этим узором, с каким тщанием она вырисовывала сколок и с каким энтузиазмом приступила к плетению, а потом бросила, потому что у нее ничего не получилось — мастерства не хватило. Сколько ей тогда было, лет двенадцать? Сейчас эта работа заняла бы у нее максимум два дня, но какие бременские музыканты в тридцать четыре года!

Вздохнув, она отложила рисунок в сторону и достала другой, напевая себе под нос: «Куда ты, тропинка, меня завела-а-а-а...» А, да, это жар-птица, прообраз той, что сейчас жила на пьльцах. Нет, это все не то.

— Снежинка, иди ужинать.

— Иду-у-у, — прокричала она и, отодвинув белые листы бумаги, взяла один из пожелтевших, старых, тех самых, доставшихся от маминой бабушки.

На хрупком от времени листе бумаги вилась, складываясь в узор кружевной косынки-шали, характерная вологодская вилюшка, — ее Снежана сплела бы даже с закрытыми глазами. Она собралась отложить листок в сторону и вдруг

замерла, увидев в верхнем правом углу кружевной вензель Т.М. Такой же точно был на сколке, который пару дней назад показывала ей Лиля, точнее, ее постоянная заказчица Лилия Лаврова, работавшая помощником начальника Следственного комитета.

Сколок, тоже пожелтевший и старый, был найден на месте преступления, кажется, убийства. Собственно говоря, Снежана и определила, что это именно сколок, вот только о двух переплетенных буквах на нем ничего сказать не смогла. И вот, пожалуйста, точно такой же вензель нашелся в ее домашней коллекции!

– Ма-ам. – С листком бумаги в руках она пришла на кухню, где мать уже раскладывала по тарелкам оглушающе пахнущую жареную картошку. Ну, как тут похудеть? – Ма-ам, а ты не знаешь, что это такое?

Она протянула матери старинный сколок. Та отставила в сторону сковородку, положила на стол прихватки, спустила со лба на нос очки и внимательно посмотрела. В семье Машковских как-то повелось, что вопросы никогда не считались лишними или ненужными. Раз человек спрашивает, значит, ему надо. А раз надо, значит, следует ответить.

– Сколок с шалью, выполненной в классическом вологодском манере, – ответила мать.

– Я вижу, а вот эти буквы что могут значить, как ты думаешь?

Мама посмотрела внимательнее, оставаясь совершенно безмятежной. Нет, загадка сколка ее совершенно не взволновала.

– Ну, если речь идет о кружеве, то буквы Т.М. могут означать только имя мастерицы – Татьяна Макарова. Странно, я как-то раньше не замечала.

– Татьяна Макарова? Я никогда не встречала такого имени, хотя о кружеве, кажется, в детстве прочитала все.

– Глупышка, – мама вдруг засмеялась, – конечно, ты видела это имя, оно даже на экспозиции в музее вологодского кружева упоминается. Просто Макарова – это девичья фамилия, а после замужества все знали ее как Татьяну Елисееву, одну из лучших в нашей области кружевниц.

– Погоди, мам, – Снежана совсем запуталась, – ты же говорила, что Татьяна Елисеева – это моя прапрабабушка.

– Если быть совсем точной, то она бабушка моей бабушки, – с достоинством сказала мама. – Она бабулю вырастила и плести научила. Бабушка мне в детстве про нее очень часто рассказывала и кружева хранила, как образец, и сколки эти наверняка ее. Кружева я в музей отдала, а сколки, видишь, сохранила. Так вот в юности она была Макарова и училась, между прочим, у самой Софии Брянцевой.

Про Софию Брянцеву и ее мать Анфию Федоровну Снежана, разумеется, знала. Их собранная по крупичам биография была известна всем плетелям, претендующим не только на ремесло, но и на искусство.

Брянцевы принадлежали к большому священническому роду. Все предки Анфии Федоровны, родившейся в 1812 году, были рукоположены в сан и в течение нескольких поколений служили при церкви. Мальчики получали се-

минарское образование, наследуя профессию от отцов, девочек учили рукоделию и обязательно грамоте. Росли они в молитве и благочестии, поскольку родители воспитывали из дочерей будущих матушек. А рукоделие, в том числе и исконное умение плетей, было своего рода продолжением молитвы.

Богатой семья не была, ведь постоянный оклад священникам не полагался, так что умелые женские руки слыли источником семейного процветания. Анфию Федоровну в возрасте 24 лет выдали замуж за Петра Степановича Брянцева, предки которого тоже были священниками. Сам же он, окончив духовную семинарию, служил канцеляристом в уездном суде. В 1837 году у пары родилась дочь София, которую уже с пяти лет мать научила искусству плетей.

Все свободное время мать и дочь плели кружева, а также разрабатывали сколки. И если Анфия Федоровна была тем самым человеком, который положил начало особому вологодскому манеру, то из дочери Софии она сделала лучшую в округе кружевницу.

К примеру, на выставке 1882 года экспонировалось кружевное дамское платье из шелка, надетое на желтый атласный чехол, сплетенное Софией и ее ученицами по заказу некоей Веры Вавиловны Юдиной. София за эту работу получила 84 рубля, а купить наряд с выставки можно было аж за полторы тысячи. Другое платье, которое сплели ученицы по сколку Софии Брянцевой, принесло знаменитой плетее пять рублей, а ушло в продажу за целую тысячу. Как читала Снежана в архивах, поднятых из запасников ее библиотеки, Брянцева подобную несправедливость терпеть

не стала и написала жалобу на грубую эксплуатацию вологодских мастериц¹.

Но более всего София Петровна была знаменита своей школой кружевниц, через которую во второй половине XIX века прошло почти восемьсот девушек. И среди них была Татьяна Макарова-Елисеева, Снежанина прапра... Бабушка прабабушки, вот кто. Значит, старинный сколок с листом принадлежал ей. И как он оказался на месте убийства?

– Ты есть будешь или нет? Картошка остынет, – спросила мама, не ведая о сделанном Снежаной важном открытии.

– Да. Нет. Позже. Мама, мне нужно позвонить, – пробормотала она и бросилась в мастерскую, к коробке со сколками и лежавшему рядом телефону.

Лилия Лаврова ответила сразу.

– Лилечка, это Снежана, – она почему-то очень волновалась, как будто от этого разговора сейчас зависела ее жизнь. – Я знаю, что означают буквы Т.М. на найденном листе.

– Да, и что же? Как ты узнала? Я же просила никому ничего не говорить, – строго сказала Лиля.

– Нет-нет, я ничего и не говорила, что ты! Просто я стала разбирать коробку со старыми сколками и нашла один с такими же буквами. Спросила у мамы, что они могут означать, и выяснилось, что это вензель нашей бабушки, то есть

¹ Использованы материалы книги С. Давыдовой «Русское кружево и русские кружевницы. Исследование историческое, техническое и статистическое». СПб. Тип. А.С. Суворина, 1892.

бабушки прабабушки. В общем, ее звали Татьяна Макарова, она была очень хорошей кружевницей и автором скотов. Так мама сказала.

– Снежана, а я могу поговорить с твоей мамой? Но только так, чтобы ее не напугать.

– Да, конечно, ты можешь приехать к нам, когда удобно. Мама будет рада, потому что, признаться, гости у нас бывают нечасто.

– Хорошо, тогда я скоро приеду. И еще, Снежана, вы не будете против, если я захвачу с собой своего коллегу? Дело в том, что он ведет это дело, и мне неловко перехватывать у него инициативу. У нас так не принято.

– Да что ты оправдываешься, Лиля, – засмеялась Снежана. – У нас довольно хлебосольный дом, поэтому мы всем рады. Приезжай с кем хочешь. У нас и булочки напечены. С корицей.

В дверь позвонили минут через двадцать. Мама, обрадовавшаяся гостям, как раз успела накрыть на стол, а Снежана – сменить домашний костюм на джинсы и свитерок. Ходить перед посторонними распустехой она не любила.

На пороге стояли Лиля и довольно крупный мужчина, такой высокий, что Снежане пришлось задрать голову, хотя Дюймовочкой она не была.

– Следователь Зимин, – представился он. – Михаил Евгеньевич.

– Снежана Машковская. Проходите, пожалуйста.

Гость шагнул через порог и сразу заполнил собой небольшую, в общем-то, прихожую, в одночасье ставшую тесной. И как это у него получается? В дверях появилась

мама, пытающаяся скрыть любопытство. Все-таки следователь к ним в дом приходил впервые.

– А я вас знаю, – сказала она Лиле. – Вы пять лет назад заказывали у нас свадебное платье. Правда, Снежинка? Очень необычное, не белое, а пепельно-розовое. И у него еще была чудесная кружевная вставка на спине. Кажется, какой-то цветок.

– Лилия, – улыбнулась гостья. – В честь моего имени. Муж настоял. Он вбил себе в голову, что этот цветок – символ того, что он меня обожествляет. Мне это было немножко смешно, в силу профессии, разумеется, да и вообще с языком цветов у меня к тому моменту сложились напряженные отношения¹, но он убедил меня, что нужно смело смотреть в лицо своим страхам, и я согласилась. А кружево ваша дочь сплела совершенно чудесное. И тогда и потом.

– Негоже лилиям прясть, – пробормотал вдруг следователь Зимин. Снежана в недоумении уставилась на него. – Извините, вспомнил роман Дрюона, понимаю, что не к месту.

– Какие начитанные у вас следователи, – не удержалась от подкола Снежана. – Мама, познакомься, это Михаил Евгеньевич. А это моя мама, Ирина Григорьевна. Да вы проходите, пожалуйста, будем чай пить.

– Чай пить, разговоры разговаривать, – весело подхватила Лиля.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

– Да-да, я сегодня испекла плюшки с корицей. – Мама тут же засуетилась, наливая заварку и кипяток, пододвигая плетенку со своими знаменитыми плюшками. – А может, вы есть хотите? Снежинка тоже не ужинала, а у меня картошка нажарена, хрустящая. Будете?

Зимин сглотнул слюну. Лицо у него стало несчастное, как у ребенка, которому показали давно вожделенную игрушку.

– Я бы поел, – признался он, – пообедать сегодня не получилось, и когда рабочий день закончится, я тоже пока не знаю. А жареная картошка – мое любимое с детства блюдо. Мама ее хрустящей жарила, а с тех пор больше никто.

– Что же вы жену не научили правильно жарить картошку? – спросила Снежана, которой гость отчего-то не нравился. В нем было что-то опасное, как в медведе-шатуне, вдруг встретившемся на пути в мирном и спокойном на вид лесу. То ли бежать, то ли падать, притворяясь мертвой, сразу и не разберешь.

– Снежинка, – укоризненно воскликнула мама, – где твои манеры? А вы, Михаил Евгеньевич, не слушайте ее, садитесь за стол, картошечки я вам сейчас положу. Она у меня, скажу без ложной скромности, вкусная, фирменная.

Пока рассаживались, возникла неизбежная в таких случаях суматоха. Стучали стулья, звенели ножи и вилки, звякали тарелки и чашки, слышались обрывочные фразы: «спасибо», «на здоровье», «пододвинь хлеб», «вот масло», «ох, горячо». Но наконец все стихло.

– Ирина Григорьевна, – Лиля наконец-то перешла к тому важному вопросу, ради которого они пришли, – пару дней назад я обратилась к вашей дочери за консультацией по одному очень деликатному делу. Мне была важна полная конфиденциальность, поэтому я попросила Снежану не говорить о нашей беседе никому, даже вам.

– Понимаю, – спокойно ответила мама, – и совершенно не обижаюсь. Мой покойный муж приучил нас обоих к тому, что существуют вопросы, в которые лучше никого не посвящать. И я отношусь к этому с пониманием.

– Но сейчас нам нужна именно ваша помощь, Ирина Григорьевна, поэтому я вам все расскажу, разумеется, тоже конфиденциально.

– Разумеется.

Снежана сейчас искренне любовалась мамой, маленькой, изящной, сохранившей удивительную красоту, которую не портили слегка дрожащие руки и седые пряди в волосах, держащейся с достоинством, но при этом максимально доброжелательно.

Лилия принялась рассказывать про обнаруженный в лесу труп и сколок с вензелем Т.М., найденный при нем. Мама слушала внимательно, не перебивая, лишь побледнела немного при упоминании чемодана со страшной находкой внутри.

– И что же, эта погибшая женщина до сих пор не опознана? – спросила она, когда Лилия замолчала.

– В том-то и дело. Ни от кого в округе не поступало заявления о пропаже кого-то из близких, исчезновении соседей или знакомых. С момента обнаружения трупа про-

шла уже неделя, и ни одной зацепки, кроме этого сколка. Снежана сказала, что инициалы Т.М. могут принадлежать вашей дальней родственнице, вот я и подумала: вдруг вы сможете подсказать, откуда в лесу мог взяться сколок ее работы.

– Да, Т.М. – это бабушка моей бабушки, Татьяна Макарова или, как звали ее в семье, Таточка. Она в юности мечтала разработать уникальное кружево, которым можно было гордиться даже перед ее учительницей Софией Петровной Брянцевой, и поэтому тщательно маркировала свои сколки. Сейчас бы сказали, что ее беспокоило соблюдение авторских прав, а тогда такого понятия, конечно, не было, а вот воровство чужих идей уже процветало. Но потом Таточка вышла замуж, стала Елисейевой, родила одного за другим семь детей и поменяла жизненные приоритеты. Нет, плести она, конечно, не перестала, потому что этим в конце девятнадцатого века многие женщины в нашей округе на жизнь зарабатывали, но это уже было скорее ремесло, а не творчество. Сколки она больше не разрабатывала, плела на заказ мерное кружево, на платья и шали не замахивалась.

– Что, по-вашему, изображено на этом сколке?

Лиля достала листок старой бумаги, уже виденный Снежаной, и бережно развернула. Кленовый лист, крупный, прозрачный, пронизанный прожилками и окутанный паутинкой изморози, красовался на нем.

– Лист клена, – пожала плечами мама. – Бабушка рассказывала, что Таточка была очень наблюдательная, и, когда обучалась кружевному искусству, старалась зарисовы-

вать все необычное, что попадалось ей на глаза: снежинки, листья, цветы, божьих коровок. Из всего, что видела в природе, она пыталась сделать сколок, но особым успехом такие работы не пользовались. Все предпочитали классический узор, поэтому подобные упражнения она забросила.

– У кого мог оказаться ее сколок, тем более вы говорите, что подобные мотивы были никому не интересны?

Мама пожала плечами.

– Да у кого угодно. У нас довольно много Таточкиных сколков, но это и понятно. Она всю жизнь их берегла как память о юности и встречах с Софией Петровной, а потом, перед смертью, отдала своей внучке, моей бабуле. Та была ее любимицей. Бабуля их тоже бережно хранила, потому что к Таточке в семье относились очень трепетно. Моя мама, к сожалению, кружевоплетением не владела. Бабуля родила ее в 1913 году, потом в революцию мой дед погиб, и бабуля осталась одна, выживала, как могла, в те годы не до кружев было. Увлечение свое она начала передавать, когда мне десять лет исполнилось. Бабуле тогда было уже под семьдесят, она страдала артритом, так что с коклюшками управлялась с трудом, но заинтересовать меня искусством плетей успела и перед смертью отдала коробку с Таточкиными и своими сколками. Но сколько всего их у нее было? Кому сама Таточка могла их отдать, к примеру, для работы? Это мне неизвестно.

– Ирина Григорьевна, а вы уверены, что к жертве не могли попасть сколки именно из этой коробки?

– Совершенно уверена. Мы ее лет десять из шкафа не доставали, если не больше.

– Я в детстве по ним плела, – вступила в разговор Снежана. – Простые освоила, а сложные мне не поддались, мастерства не хватило. Потом я плетение на много лет забросила, а когда вернулась к этому занятию профессионально, мне уже было гораздо интереснее свои узоры разрабатывать. Так что мама права, мы много лет не доставали эту коробку и никому из нее ничего не передавали.

– А почему сейчас достали? По моей просьбе? – спросила проницательная Лиля, не упуская ни одной детали.

– Нет, когда ты спрашивала, я про эту коробку даже не вспомнила. Никогда не обращала внимания на инициалы на сколках или просто забыла. Я заказ сегодня получила на кружево, выполненное под девятнадцатый век, и в поисках вдохновения вспомнила об этих сколках.

– Если я все правильно понял, – сказал внимательно слушающий их беседу Зимин, – на трупе был найден сколок девятнадцатого века, который принадлежал вашей старшей родственнице. У вас есть коллекция таких же рисунков, но найденный вы никогда не видели, никому его не передавали, и из вашей коробки ничего не пропадало. Так?

– Так, – хором ответили Снежана с мамой.

– И у вас нет знакомых, которые могли бы интересоваться старыми работами, принадлежавшими членам вашей семьи?

– Нет, – на этот раз ответила мама, а Снежана лишь кивнула.

– Получается, единственная зацепка в расследовании преступления у нас по-прежнему – рисунок кружева, только теперь мы знаем, кем и когда он был нарисован. Осталось

только понять, может ли нам это как-то помочь. Скажите, а другие родственники, у которых могли бы остаться работы Татьяны Макаровой, есть?

– Несомненно, – пожала плечами мама. – У Таточки было семеро детей, но кто-то умер в детстве, кого-то погубила революция, а потом война. Моя мама у бабушки была уже единственным ребенком, и, по ее словам, ни с кем из двоюродных она никогда не общалась. Ну и плетением кружев они вряд ли интересовались, потому что мама моей бабули была единственной девочкой. Все остальные дети Таточки – сыновья, так что свои умения она передала одной наследнице – своей внучке, моей бабуле.

– Подумайте, может, вы еще что-то вспомните. Какие-нибудь детали, которые могли бы пролить свет на личность потерпевшей.

– Бабуля рассказывала, что Таточка была довольно замкнутым человеком, точнее, крайне недоверчивым. Она с детства талдычила бабуле, что та не должна доверять чужим людям, какими бы близкими они ни казались. Кажется, у нее в юности были закадычные подружки, которые ее то ли предали, то ли обманули, и она до конца жизни так и не смогла снова довериться людям. Деталей я не помню, если честно. Столько лет прошло, да это никогда и не казалось мне важным. Я вообще рассказы про Таточку слушала исключительно из любви к бабуле. Мне самой давно умершая женщина, которую я никогда не видела, была совершенно неинтересна.

– Что ж, будем считать, этот путь в расследовании тупиковый, – задумчиво сказал Зимин. – И будем продолжать

искать пропавших людей. Так мы явно быстрее установим личность жертвы.

– Михаил Евгеньевич, Лиля, а можно попросить, чтобы вы потом рассказали нам, кем она была? Если честно, очень интересно, откуда у нее сколок Татьяны Макаровой, – попросила Снежана. – Вдруг, идя от обратного, это тоже удастся выяснить.

– Договорились, – энергично сказала Лиля. – Спасибо вам и за угощение, и за беседу.

Гости встали из-за стола, и Снежане показалось, что следователь с сожалением посмотрел в сторону стоявшей на плите сковородки, в которой еще оставалось немного картошки. Его что, правда жена не кормит? Сама она не чувствовала голода, хоть поела совсем немного. Таинственная история, уходящая корнями в прошлое ее семьи, будоражила воображение.

Снова переодевшись в домашнее, Снежана вернулась в комнату-мастерскую, прикрыла дверь и начала решительно доставать из стоящей на столе коробки пожелтевшие листы бумаги, украшенные вензелем Т.М.

* * *

Татка разогнулась, закончив кружевной воротничок, начатый еще на прошлом занятии, и незаметно потерла затекшую спину. Ее учительница София могла работать часами, не проявляя ни капли усталости, и Татке было стыдно, что она такая невыносливая. Интересно, обед скоро?

Есть ей не хотелось, но надежда увидеть пришедшего из суда Петра Степановича приятно холодила кончики пальцев. Пусть отец Софии и старый, сорок шесть лет, зато какой красивый, аж сердце замирает.

– Девочки, перерыв, – скомандовала София и павой выплыла из комнаты, где занимались ученицы.

Татка достала узелок со скромным обедом. К ней под села Дуся и вытянула из-за пазухи ломоть ржаного хлеба да луковицу. Татка вздохнула. Дусина семья жила бедно, гораздо беднее, чем Таткина, и она, как могла, подкармливала подругу, прихватывая из дома лишний огурец или картофелину, делясь куском домашнего пирога – в те дни, когда он был, конечно. Вот и сегодня она отломилась половину вытащенной поутру из чугунка картошки и протянула подруге тонкий, прозрачный, розовый кусок домашнего сала. Неделю назад отец забил поросенка, и сало поспело как раз к сегодняшнему утру, посыпанное крупной солью и черным перцем, а еще натертое чесноком.

– На, держи.

– Сало? – недоверчиво спросила Дуся, не веря собственному счастью. – Не возьму, сама ешь.

– Да мне мамка на тебя дала, – засмеялась Татка, отдавая дань уважения щепетильности подруги. Дуся была бедная, но гордая, одалживаться не любила. – Ешь, вкусное.

Рядком под села Палашка, достала из берестяного теска ломоть пшеничного хлеба, кусок отварного мяса и горшочек с винегретом. Даже у Татки рот произвольно наполнился слюной от поплывшего по комнате запаха

подсолнечного масла, а уж Дуся и вовсе чуть не заплакала. В ее семье винегрет ели только по праздникам, о мясе мечтать и вовсе не приходилось. Его готовили редко, а из супа раскладывали по тарелкам только работникам – мужчинам.

– Ты в сторонке не могла поесть? – в сердцах спросила Татка у второй подруги. – Понимаешь ведь все, зачем дразнишься.

– Я не дразнюсь, я ем, – ответила Палашка, вгрызаясь в мясо острыми белыми зубами, которые придавали ей сходство с хорьком. – И вы ешьте, я же вам не мешаю.

– Оставь, – тихонько прошептала Дуся, видя, что Татка готова взорваться и наговорить жадной подруге гадостей. – Ешь быстрее, еще прогуляться успеем.

Если она хочет застать Петра Степановича, стоит поторопиться. Татка быстро съела свою половину картофелины, соленый огурец и кусочек сала, лежащий на хлебе, ссыпала в рот крошки, отряхнулась и потянула за руку Дусю, не глядя на продолжавшую трапезничать Пелагею.

– Пойдем.

Натянув верхнюю одежду, девушки выскочили в коридор, поспешили в сторону входной двери и вдруг замерли – она открылась, впуская внутрь клубы холодного воздуха и скрытого в них хозяина дома, Петра Степановича Брянцева.

Охнув, Татка отступила в сторону, спряталась под лестницей, ведущей на второй этаж, и смотрела на своего кумира, не в силах отвести глаз от его выразительного и почему-то раздраженного лица. Ей в шею сопела Дуся.

Дверь снова отворилась, и теперь в клубах уличного тумана в дом ввалился гость – невысокий щуплый мужчина в суконном пальто и мятом картузе. Его, впрочем, он снял и держал в руке.

– Петр Степанович, миленький, вы зря отказываете, – бормотал он фальцетом. Присевшим под лестницей девчонкам было слышно каждое слово. – Я же ни о чем особом не прошу. Ну что вам стоит дело с полочки снять и в портфельчике домой унести. Вы же в канцелярии работаете, у вас все дела уездного суда под рукой. Судья с делом пока и не знакомился вовсе, а если вы папочку заберете, то и не ознакомится. Петр Степанович, вы хоть крест-то посмотрите! В нем сафиры настоящие. Фамильный, от деда достался, большие тыщи стоит. Дед, когда помирал, строго-настрога запретил продавать, как бы туго ни было. И я бы ни в жизнь не расстался с реликвией семейной, но ради брата ничего не пожалею. Давайте, я вам крест, вы мне папочку, и разойдемся. Обещаю, что никогда-никогда вы меня больше не увидите.

– Любезный, пойдите вон, – нервно отвечал Петр Степанович, стаскивая с шеи шарф. – Если вы не отстанете, я в полицию обращусь. Вы же меня на преступление толкаете, как вам не совестно! Никогда я не соглашусь на то, что вы предлагаете. Никогда! И оставим этот разговор, милостивый государь.

Сняв пальто, он указал гостю на дверь, и тот, пятясь задом, исчез за ней, совершенно неслышно. Хозяин дома широкими шагами прошел из прихожей в жилые комнаты, на ходу зовя жену. Девчонки под лестницей перевели дух.

– Ну, пойдём на улицу, что ли? – робко спросила Дуся.

Тата молчала, заново переживая счастливые мгновения, когда ей удалось увидеть Петра Степановича. Дуся, не дождавшись ответа, потянула её за руку, но вылезти из-под лестницы девушки не успели. Дверь снова открылась, пропуская щуплого гостя, который, пугливо озираясь по сторонам, прошмыгнул в прихожую и положил что-то на стоящий перед зеркалом комод.

– Все сначала ломаются, – бормотал он себе под нос, – экая беда взятку получить! Это только в первый раз трудно да неудобно, а потом как по маслу. Хотя уж сколько лет работает, должен был привыкнуть. Или цену набивает – так этому кресту цена немалая. Всяко, больше тыщи рублей стоит, а глядишь, и больше. Ну да ничего, найдет, разберётся, что к чему, и в помощи, главное, не откажет.

Пристроив невидимый издали предмет на комод, мужчина юркнул за дверь, словно его и не было. Переведя дух, Тата вылезла из-под лестницы вперед Дуси.

– А что он туда положил? – прошептала любопытная подружка. – Давай посмотрим!

Хотя это и было неудобно, Тата тоже считала, что посмотреть надо. От мужичонки исходила опасность, точнее, какой-то неприятный дух, который люди, подобные Брянцеву, нутром чувствовала Тата, воспринимали с презрением и гадливостью. Оставленный в доме предмет грозил неприятностями, а значит, от него нужно было избавиться.

Практически не дыша, девушки подошли к комоду и замерли. На дубовой поверхности лежал золотой крест, щедро украшенный россыпью синих камней – гость, кажется,

называл их сапфирами. Дуся протянула руку, взяла крест и покачала на ладони.

– Тяжелый, – прошептала она, – правда дорогой, на-верное.

– Его нельзя здесь оставлять, – решительно сказала Тата. – Петр Степанович ясно сказал, что ничего подобного не возьмет, а значит, очень расстроится, когда его увидит.

– И что ты предлагаешь? Выбросить? Или спрятать? – недоумевающе спросила Дуся. – Он же ужас просто какой дорогой! Этот дядька сказал: больше тысячи стоит. Таких денег до конца жизни хватит! Тат, может, если Петру Степановичу он не нужен, мы его себе заберем? Придумаем, как продать.

– Дуся, ты с ума сошла! – всплеснула руками Тата. – Как можно взять себе чужое? Ты же слышала, что этот человек от Петра Степановича взамен какой-то непотребной услуги требовал. У Брянцевых неприятности могут выйти по служебной линии. Понятно, что крест нужно вернуть владельцу.

– А как?

– Да он же не успел далеко уйти, догоним его и отдадим, – решительно сказала Тата, схватила по-прежнему лежащий на ладонке Дуси крест и потянула ее за руку. – Побежали, как раз до конца перерыва успеем!

Девочки толкнули тяжелую дверь, впустив в прихожую новую порцию морозного воздуха. Ой, и студено сегодня!

– Эй, вы куда без меня? – окликнула их появившаяся в прихожей Пелагея, наконец расправившаяся со своим вкусным обедом. – Подождите, я тоже с вами.